Уроки Кулунды

Fruhauf M., Guggenberger G., Meinel T., Theesfeld I., Lentz S. (Eds.) KULUNDA: Climate Smart Agriculture. South Siberian Agro-steppe as Pioneering Region for Sustainable Land Use. Cham (Switzerland): Springer, 2020 — XXVI+ 522 p.

В.В. Бабашкин

Владимир Валентинович Бабашкин, доктор исторических наук, профессор кафедры политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571 Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: vbabashkin@ranepa.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2020-5-2-195-203

Под редакцией немецких ученых из университетов Галле, Ганновера, Лейпцига (ФРГ) и Астаны (Казахстан) увидел свет внушительный научный трактат, название которого на русском могло бы выглядеть, допустим, так: «Кулунда: как с умом приспособить сельское хозяйство к климатическим условиям». С подзаголовком проще: «Первопроходцы исследования устойчивого землепользования в Южно-Сибирской степи». Сам научно-исследовательский проект, результаты которого пытаются обобщить редакторы этого мощного издания, также поражает масштабом организации и амбициозностью задач. Редакторы книги сформулировали это в предисловии следующим образом.

«Вследствие глобальных перемен наука сегодня — равно как и экономика, общество и политика — лицом к лицу сталкиваются с проблемами невероятного масштаба. Одна из таких проблем — неуклонный рост численности населения в мире. В связи с острой необходимостью достижения и поддержания известного уровня всеобщей продовольственной безопасности и ростом потребления природных ресурсов требуется специальное исследование по методам управления в области землепользования, направленным на сохранение и защиту природных ресурсов. Для достижения устойчивого развития различных регионов такое исследование должно принимать во внимание признаки и последствия климатических изменений, воздействие социально-экономических факторов землепользования. Важнейшим условием воплощения результатов исследования является научно обоснованное принятие решений с учетом как социально-экономических и экологических факторов земле-

пользования в их динамике, так и необходимости солидарного участия главных заинтересованных сторон региона.

В настоящей книге представлены основные изыскания в рамках междисциплинарного исследовательского проекта, нацеленного на поиск этих решений на материале сельскохозяйственного региона юго-западной Сибири. Научный проект «Кулунда — как избежать следующей глобальной пыльной бури?» (короткое название: «КУЛУНДА») финансировался Федеральным министерством образования и науки ФРГ» (p. VII).

Книга прекрасно издана, изобилует различного рода графиками, диаграммами, таблицами, схемами, картами, иллюстрациями, фотографиями, что, безусловно, позволяет более сжато и наглядно подать обширный и многоплановый материал, тематически сгруппированный в 5 частей и 39 глав. А на тот случай, если кому-то из профессионалов в области аграрных наук, почвоведения, наук о климате и окружающей среде, физических и экономических географов, экономистов и историков представленный в издании материал покажется излишне лаконичным, у проекта существует специальный сайт, материалы которого дают возможность углубленно ознакомиться с разработкой того или иного из многочисленных аспектов комплексного исследования[1].

Последовательность, в какой рецензируемая книга раскрывает эти аспекты, вполне логична. 14 глав первой части составляют тот естественно-научный и исторический фон, на котором, по мнению соредакторов, должны быть представлены основные результаты исследования социально-экономических факторов землепользования в регионе, оптимальных технологий устойчивого земледелия, мотивов и интересов основных участников аграрного производства в связи с возможностями внедрения технологий землепользования, приспособленных к местным почвенно-климатических условиям. Таковые результаты содержатся в главах частей II–IV.

Заключительная часть V имеет название «Помимо Кулунды» (p. 509-522) и состоит из одноименной главы 39. Здесь кратко и четко изложены те выводы, которые можно сделать по всему проекту в целом — помимо тех, что сформулированы авторами каждой из предшествующих 38 глав. И материал главы, по-моему, имеет троякий посыл к читателю. Во-первых, это напоминание, что Кулунда — лишь часть (хотя и весьма важная) степного пояса Евразии, протянувшегося от Черного моря на западе континента до Желтого моря на востоке. Причем в США и Канаде также имеется значительная территория со сходными почвенно-климатическими условиями. Меньшим сходством обладают исторические обстоятельства сельскохозяйственного освоения этих территорий людьми разных культур и традиций, однако результаты этой деятельности вполне сравнимы хотя бы по уровню эрозии почв. По-

1. http://www.kulunda.eu/?q=de/biblio

этому многое из того, что сделано учеными в Кулунде, имеет международное значение.

Во-вторых, бесценен сам опыт организации такого рода комплексного междисциплинарного исследования. Ему предшествовало полтора десятилетия плодотворного сотрудничества между университетами и академическими институтами в области географических, аграрных исследований и преподавания, а также в области согласования интересов основных участников процесса аграрных преобразований в регионе. Поэтому помимо Кулунды исследовательский проект имеет методологическое значение для других российских регионов, берущих курс на устойчивое аграрное развитие: исследование природных, технических, социально-экономических, институциональных аспектов таких преобразований целесообразно посредством осуществления тщательной хорошо подготовленной организации подобных комплексных междисциплинарных проектов, ориентированных на взаимообогащение коллег-участников опытом и знаниями.

В-третьих, аграрное развитие — неотъемлемая часть региональной программы в современной РФ. Так, сопоставление рекомендаций, которые были разработаны участниками проекта для сельского хозяйства Кулундинской степи, с положениями стратегической программы, принятой руководством Алтайского края в 2003 году под названием «Алтай 2025», обнаруживает, что исследования по проекту осуществлялись в резонанс как минимум с тремя из тех основных направлений, что намечены в этом политическом документе (p. 518-520). Например, «задача 6 (обеспечить ускоренное развитие сельскохозяйственного сектора, не допуская избыточную нагрузку на природные ресурсы региона») или «задача 7 (рациональное использование природных и земельных ресурсов»), может и формулировались составителями «Алтая 2025» «помимо Кулунды», но, если всерьез думать о том, какие конкретные шаги следует предпринимать для их решения, мимо «КУЛУНДЫ» никак не пройти.

Возвращаясь к содержанию предыдущих глав, прежде всего хотел бы отметить, насколько серьезно редакторы тома подошли к исторической составляющей всего того, с чем исследователям пришлось сталкиваться в современной Кулунде. Авторы шестой главы «800 лет перемен в сельскохозяйственном землепользовании азиатской (восточной) России» (p. 67-87) пишут о том, что до середины XIX века масштабы ведения земледелия в этих местах были пренебрежимо малыми. Перемены наметились в связи с реформой 1861 года, а в последующем — с Великим переселением в Сибирь, серьезный толчок которому дала столыпинская аграрная политика. Авторы явно стараются избегать идеологических формулировок, что делает им честь. Однако при изложении столь острого исторического материала это крайне сложно, поэтому присутствует там и «решительное свертывание нэпа», и массовый убой скота крестьянами

как реакция на насильственную коллективизацию, и катастрофический голод 1932–1933 годов (p. 75), который в этом событийном ряду приобретает определенную смысловую нагрузку.

Поднимая неизбежный в данном случае вопрос о том, почему в схватке за пост верховного правителя между Г.М. Маленковым и Н.С. Хрущёвым победил последний, авторы главы резонно указывают, что возобладали хрущёвские убеждения по аграрному вопросу — ключевому вопросу дальнейшей партийной политики. А вот комментируя — пусть даже и предельно кратко — причины этой идейно-политической победы, они вольно-невольно вторгаются в область острейшей полемики в отечественной историографии по целинной кампании. «План Хрущёва одержал верх, — пишут авторы, — вероятно, из-за отсутствия у Советского Союза капитала в достаточном количестве для интенсификации сельскохозяйственного производства в аграрных регионах Европейской России; однако вполне резонно и то, что расширение посевных площадей было связано также с задачей дальнейшего заселения слабо демографически освоенной Азиатской России (подробнее об этом см. главу 7)» (p. 77). Чтобы подчеркнуть остроту упомянутой полемики, скажу, что даже по вопросу об этом заселении необжитых территорий не так все однозначно: некоторые вполне уважаемые специалисты убежденно пишут о том, что целинная кампания сильно ослабила в кадровом отношении колхозы и совхозы в тех регионах, что традиционно считаются «житницами» России[2].

По капиталоемкости предложенного Хрущёвым аграрного курса в сравнении с нереализованной альтернативой тоже не все просто. Только ли потому победила эта политическая линия, что она была более разумной? Ведь авторы сами заключают из своего исторического очерка, что «расширение посевных в ходе противоречивой целинной кампании, развернутой с целью снизить остроту нехватки продовольствия в Советском Союзе, создало половину запланированного прироста сельскохозяйственной продукции ценой очень больших экономических затрат на единицу продукции и экологических проблем». Причем долгосрочные экологические последствия этого масштабного и решительного вторжения в экосистему местные фермеры вынуждены наследовать и сегодня (p. 84). Однако история, как известно, не знает сослагательного наклонения, и авторы двух следующих глав далеки от размышлений, как все могло бы быть. Они довольно дотошно рассматривают историю заселения этого региона, а также историю самой целинной кампании и ее роль в дальнейшем развитии советского сельского хозяйства.

Остальные главы первой части книги посвящены рассмотрению очень специальных проблем, связанных с биологическим разнооб-

2. См.: *Наумацкий В.В.* (2018). Целинная кампания Н.С. Хрущёва: размышления о дискуссионных вопросах историографии. Ростов-на-Дону. С. 134-135.

разием региона, влажностью почв, их эрозией и деградацией, суммарным испарением, недостатком в почве органического углерода.

Из глав, составивших содержание частей II–IV, мое внимание привлекли прежде всего работы, посвященные проблемам землевладения, землепользования, а также тем формам, которые принимают сегодня взаимоотношения основных участников процессов сельскохозяйственного производства. Причем в обоих случаях особенно интересно посмотреть на формальную и неформальную сторону дела и соотношение этих сторон. Для историка аграрных отношений в России — будь то пореформенный период или любой из советских этапов — не секрет, что любая серьезная попытка властей юридически формализовать эти отношения неизменно сталкивалась с тем, что большинство участников поземельных отношений продолжали осуществлять их неформально. В крестьяноведении последних десятилетий такие вещи с подачи Дж. Скотта проходят по категории «оружия слабых». В классической работе В.П. Данилова «Судьбы сельского хозяйства в России (1961–2001 гг.)» почти треть объема статьи отведена тому, как, что называется «правдами и неправдами», вчерашние колхозники пытались противостоять духу и букве президентского Указа от 27 декабря 1991 года «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР»[3].

В главе 18 «Институциональный анализ системы землевладения в постсоциалистической России: действующие лица, правила и землепользование» (p. 259-273) показано, что с течением десятилетий это противостояние стабилизировалось, приняв, если можно так выразиться, неформально-институциональный характер: этакий институт необязательности исполнения иных российских законов. Как соавторам главы удается уловить столь тонкую материю, взрывающую рамки модернистских доктрин? Ответ можно найти в том, что они пишут о методах своего исследования: «Сбор информации включал архивные исследования с целью выявления государственных нормативных актов по земельной реформе, включенное исследование на протяжении периода работы проекта с 2013 по 2016 год, ряд неформальных бесед и взаимодействий, полуструктурированные интервью с ключевыми информаторами по очень специальным вопросам, ряд рабочих совещаний с участием местных представителей заинтересованных в работе кулундинского проекта сторон» (p. 261-262).

Да, «поймать» эту реальность в области поземельных отношений можно только путем достижения достаточной степени откровенности в таких беседах и интервью, а установить масштабы явления — через новые и новые беседы и профессиональный анализ их содержания. Именно так поступают авторы монографии «Кре-

3. См.: *Данилов В.П.* (2006). Судьбы сельского хозяйства в России (1861–2001 гг.) // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. 2005. М.: Дело. С. 21-27.

стьянские жизненные практики»[4], у каждого из которых за плечами десятки бесед с обитателями сельской местности в самых разных регионах страны. И это дает им возможность не только рекомендовать историкам-аграрникам советского периода не упускать из виду неформальную сторону взаимодействия общественного хозяйства колхозов и ЛПХ колхозников[5], но и сформулировать приблизительно ту логику развития в этом плане, что подтверждается и кулундинскими исследованиями.

У соавтора главы о землевладении и землепользовании О.П. Фадеевой опубликована примерно на ту же тему статья на русском языке, на которую есть ссылка в тексте главы для подтверждения приводимых аргументов. Мне представляется здесь уместным привести небольшую выдержку из этой статьи — интервью 2003 года с директором сельхозпредприятия (надо полагать, бывшего колхоза или совхоза) в Новосибирской области: «Я считаю справедливым то, как было раньше при колхозах. Трудишься ты на земле, пользуешься всеми благами, которые здесь производятся, — можешь все здесь купить по дешевке (и сено, и зерно, и другие продукты). Но если ты ушел, бросил работать на земле — тогда уж извини, ни на что не претендуй»[6]. Ключевое слово здесь — «справедливость». Можно даже сказать, что оно улавливает саму суть тех неформальных практик в области землепользования, на которые обращают внимание авторы главы. А выводы по главе отражают некое связанное с этим диалектическое противоречие. По мнению авторов, для более целенаправленной государственной поддержки устойчивого землепользования, технологии которого могут быть довольно дорогостоящими, требуется установить «...2) менее обременительные процедуры легализации права собственности (с компенсацией затрат на геодезическую съемку и регистрацию земельных участков, особенно в районах с проблемными природно-климатическими условиями) и введения покинутых и бесхозных земель в оборот; и 3) более понятную и долгосрочную защиту прав собственников земли — особенно в случае с общей долевой собственностью, равно как и землепользователей — особенно тех, кто может и не потянуть высокие операционные издержки современной системы землепользования» (p. 271-272). Противоречие в том, что движение по этим направлениям законодательного регулирования поземельных отно-

4. *Виноградский В.Г., Виноградская О.Я., Никулин А.М., Фадеева О.П.* (2013). Крестьянские жизненные практики. Россия, 1991-2012. Саратов.
5. Я особо подчеркивал это в рецензии *Бабашкин В.В.* (2015). Рец. на книгу «Морально-аморальная экономика» // Российская история. № 4. С. 184-188, поскольку полагаю, что формально-доктринальный разрыв между этими явлениями оказывал медвежью услугу кому-то из коллег-историков советского времени и продолжает ее оказывать в нынешней «постсоциалистической России».
6. *Фадеева О.П.* (2013). Сибирское село: земля и труд в локальных контекстах // ЭКО. № 5. С. 32.

шений, вероятно, будет сокращать возможности для существования неформальных отношений в этой области — а не они ли являются на сегодняшний день залогом стабильности и даже в известном смысле справедливости?

Рискну предположить, что, если бы это было не так, сами авторы этих выводов не стали бы уделять в тексте главы столько внимания неформальным отношениям по поводу земли как чему-то, существующему по инерции, по традиции, однако же очень важному, даже принципиальному. При желании можно обнаружить это и в других главах рецензируемой книги. Скажем, в главе 32 констатируется факт, что рынок земли в степной Кулунде пока толком не сложился, кроме прочего, из-за все той же дороговизны процедур геодезии и регистрации, в результате номинальные собственники земельных долей вступают с фермерами в нерегламентированные, но в общем-то устраивающие обе стороны отношения (р. 442). С другой стороны, оптимизация здравоохранения в селах региона и просчеты властей при реализации федеральной программы «Земский доктор» (р. 443) не устраивают никого, но в каждом конкретном случае люди как-то приспосабливаются.

А в тексте главы 35 мы обнаружим чрезвычайно интересное признание исследователей. Размышляя о возможных долгосрочных сценариях социально-экономического развития районов Алтайского края, первый из них, пессимистический, они выводят из постоянно звучащего в беседах с респондентами мотива: деревня умирает, народ из нее бежит в города (р. 471-473). И это несмотря на то что в принятой краевым руководством программе развития давно уже записано, что необходимо формировать положительное отношение к деревне (р. 436). О втором здесь для краткости умолчим. А вот третий они основывают на том, что обнаруживают их источники информации (неформальные беседы и частично формализованные интервью с участниками аграрных отношений, аграрного производства): в исторической памяти многих жителей современной Кулундинской степи осталось то чувство коллективной причастности к созданию национального богатства, которое в свое время как часть национальной идеи поднимало их и их предков на освоение целинных и залежных земель. Отсюда особое отношение к резкой смене экономической парадигмы и приоритетов общественного развития на рубеже 1980–1990-х годов, что поставило на карту основные достижения предшествующих десятилетий.

«Однако, — подчеркивают авторы главы, — в большинстве своем сельские территории продолжают сохранять некую внутреннюю силу, коллективную жизнестойкость, даже когда молодежь бежит в города, инфраструктура разваливается, специализированный большой бизнес увольняет рабочую силу... Кулундинские респонденты отмечают, что и те, кто остался без работы, хотели бы остаться в регионе и втянуться в местное производство» (р. 477-478). И в этом усматривается прочный социальный ресурс для сце-

нария, который обозначен здесь как «устойчивое социально-экономическое развитие территорий».

У авторов глав 32 и 35 есть публикации на кулундинских материалах, которые позволяют более подробно и детально осмысливать эту линию в степных исследованиях. О.Я. Виноградская и А.М. Никулин анализируют стратегии приспособления двух фермерских хозяйств к новым реалиям 1990–2010-х годов. Стратегии, можно сказать, полярные, тем не менее в обоих случаях успешные. Мне кажется, что симпатии авторов на стороне первого из анонимных героев их статьи, хотя исследователям по статусу положено оставаться беспристрастными, констатируя выявленные факты сельского бытия. При этом в обоих случаях имеется явное сходство: оба фермера местные по происхождению, оба стремятся выстраивать правильные, с их точки зрения, отношения с местным населением, у обоих имеется мечта. Просто в первом случае и эти взаимоотношения со своими работниками, и отношения с хозяевами земельных паев, и эта мечта куда глубже укоренены в недавнем колхозно-совхозном прошлом края, шире — в наших базовых представлениях о справедливости и несправедливости[7].

А.А. Куракин идет дальше в своем анализе именно в этом направлении, рассматривая вопрос о том, какие сложились сельхозпредприятия на территории исследования и как они стараются участвовать в жизни местных сельских сообществ. Исследованные пять типичных случаев он обозначил следующим образом: «Государственное предприятие в новых условиях»; «Приватизация с советским хвостом»; «Приручение агрохолдинга»; «Фермеры: пределы личных интересов» и «Административные барьеры». И во всех этих случаях отчетливо просматривается советское прошлое: «Можно сказать, что советское наследие еще живо и помогает сельским муниципалитетам получать дополнительную помощь от местных сельскохозяйственных предприятий»[8]. В первых двух случаях люди даже привычно именуют крупные предприятия «совхозами», удачно минуя тарабарщину современных ЗАО и ООО и, очевидно, помня о происхождении приходящих в упадок объектов инфраструктуры. В размышлениях о взаимоотношениях муниципалитетов и предприятий респонденты употребляют слово «совесть», на что автор статьи резонно обращает внимание, а далее обобщает: «Итак, отношения между предприятием и муниципалитетом со-

7. *Виноградская О.Я., Никулин А.М.* (2013). Инновационные стратегии двух кулундинских фермеров: между государством, рынком и засухой // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. 2013. М.: Дело. С. 302-324.

8. *Куракин А.А.* (2014). «Кулундар»: роль сельскохозяйственных предприятий в жизни сельских сообществ // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. 2014. М.: Дело. С. 176.

стоят из сложной смеси разнообразных мотивов, расчетов и чувств. Их трудно описать с помощью какого-либо одного термина»[9].

А по-моему, термин «моральная экономика» как раз и подходит, тем более что Куракин делает ссылку на классическую книгу Дж. Скотта с этим названием, обосновывая теоретический подход этой своей работы. Я не раз писал, насколько уместна эта скоттовская теория при размышлении о том, что происходило в российской деревне на протяжении всего пореформенного периода. Совершенно убежден в ее релевантности и при анализе эволюции колхозно-совхозного строя в нашей стране. И наличие сильных поводов говорить об этом сегодня лично для меня — главный из уроков Кулунды.

Lessons of Kulunda

Fruhauf M., Guggenberger G., Meinel T., Theesfeld I., Lentz S. (Eds.) KULUNDA: Climate Smart Agriculture. South Siberian Agro-steppe as Pioneering Region for Sustainable Land Use. Cham (Switzerland): Springer, 2020 — XXVI+ 522 p.

Vladimir V. Babashkin, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 115571, Moscow, Vernadskogo Prosp., 82. E-mail: vbabashkin@ranepa.ru

9. *Куракин А.А.* (2014). «Кулундар»: роль сельскохозяйственных предприятий в жизни сельских сообществ // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. 2014. М.: Дело. С. 182.